

Первоочередным материалом для таких штудий являются целые серии географических названий, производных от ятвяжских этнонимов. Когда же такие наименования выступают поодиночке, то следует искать дополнительные аргументы. К последним относятся, в частности, возможные отражения ятвяжской антропонимии, которые (в идеальном варианте всегда) сопровождают соответствующую этнонимии. Так, если ойконимизированные Ятвяги во Львовской обл. УССР (три села; древнейшее упоминание под 1448 г.), не вызывая никаких сомнений в своем западнобалтийском происхождении, скорее сами подтверждают ятвяжский характер расположенного к западу от них деантропонимического названия села Comaticze (1447 г., окрестности Пшемысли Жешувского воеводства ПНР; ср. выше Комать), то в примере с названием мызы Suden (Süde), расположенной на севере Курземе, вблизи Дунцаги Талсинского р-на ЛССР, наоборот, антропонимия подтверждает этнонимии: под 1582-1583 гг. в трех из четырех случаев имена жителей имеют параллели в западнобалтийской антропонимии, причем одно (Jedate) — в ятвяжской.

На территориях, которые непосредственно примыкали к ятвяжским землям XIII в. и куда поток спасающихся от крестоносцев был наиболее интенсивным, антропонимические следы ятвягов особенно заметны. В частности, к востоку от среднего течения Немана (территория Литовской ССР) встречаются такие фамилии, как Mandejko-wicz, Mirunowa и др. (XVII в.) с прямыми соответствиями в ятвяжском ономастиконе, а концентрация антропонимов искомого типа прослеживается даже в тех населенных пунктах, которые локализируются несколько восточнее окраины ареала ятвяжских реликтов в современной топонимии Литвы (см. карты Б.Савукинаса и А.Ванагаса).

3. Разыскания в области доисторической географии ятвягов должны опираться прежде всего на данные гидронимии. Помимо осторожного оперирования словообразовательным формантом "восточных ятвягов" (Буга К.) или "протоятвягов" (Антоневич Е.) — да с целью, если можно так выразиться, "экстенсивного" изучения общей территории этого этноса, необходимо продолжить и "интенсивное" исследование водных названий внутри уже наметившегося ареала. Например, необходимо указать на еще не обсуждавшийся гидроним Сасва — название левого притока Зельвы (Зельвянки) в бассейне Немана (окрестности с. Полонск Пружанского р-на Брестской обл. БССР). Наряду с западнобалтийской фонетикой (ср. лит. šašuola) в этой форме тот же суффикс, что и в гидрониме Зельва, отнесенном К.Бугой к ятвяжским. Итак, в дальнейшем следует учитывать еще один формант в гидронимии ятвягов.

Идя от современных языковых форм к исчезнувшим и реконструируя то, что не было засвидетельствовано письменными памятниками, можно выяснить очень многое в исторической и доисторической географии ятвягов, а вместе с тем и определить меру участия этого западнобалтийского этноса в этногенезе ряда балтийских и славянских народов.

Ю.В.Откупщиков (Ленинград)

БАЛТИЗМЫ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАЛТОВ

1. Данные языка уже давно привлекаются историками, археологами и, естественно, лингвистами для решения вопросов, связанных со сложной проблемой этногенеза балтов.

2. Особенно большое внимание в этом плане уделялось и уделяется анализу топонимического материала (Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962, и др.).

3. В меньшей степени при исследовании вопросов этногенеза балтов привлекалась апеллятивная лексика, в частности – балтизмы в славянских языках (работы Вержбовского А.А., Непокулого А.П., Урбутиса В., Смужковой Э., Зданевича Т., Лаучюте Ю. и др. – не говоря о более ранних исследованиях).

4. Если ареал славянских балтизмов на территории Белоруссии, Польши, Украины, Псковской, Смоленской и Брянской областей России вырисовывается более или менее отчетливо, то восточная граница балтизмов (так же, как и балтийских топонимов) до сих пор остается весьма неясной.

5. Нужно полагать, что для решения данного вопроса, наряду с топонимикой балтийского происхождения, необходимо тщательно проанализировать (включая картографирование) ареал распространения надежных балтизмов на соответствующих территориях. Причем, необходимо отметить, что даже в весьма фундаментальном собрании славянских балтизмов, каковым является готовящийся к изданию словарь Ю.Лаучюте, очевидно, учтены далеко не все диалектные слова балтийского происхождения.

6. Одним из таких неучтенных пока русских балтизмов является название музыкального инструмента типа многоствольной флейты – кувиклы (варианты: кугиклы, кувички). Ареал распространения слова (и соответствующей реалии) – Брянская, Орловская и Курская области, причем в последнем случае речь идет о южном Обоянском районе, находящемся на границе с Белгородской областью.

7. Основа анализируемого слова, несомненно, звукоподражательная, восходящая к глубокой древности. Об этом свидетельствует тот факт, что в самых различных индоевропейских языках основа kuvi- обозначает преимущественно визг свиньи и крик совы (укр. кувікати "визжать (о свинье)" и "кричать (о сове)", кувик и кугик "сова", русск. диал. кувикать "кричать (о свинье)", польск. диал. kuwikać "кричать как сова", лтш. kvīka "визгливая свинья", лит. kūvyksėti "кричать (о поросенке, сове)", др.-греч. μο(ρ)ῖ – о крике поросенка, др.-инд. kuvi- "сова" и др.).

8. Единственная известная мне этимология слова связывает его с названием тростникового растения – куга. Однако эта этимология не учитывает того факта, что в славянских языках нет словообразовательной модели с суффиксальным -kl-.

9. Между тем, именно наличие типичного для балтийских языков суффикса -kl- явилось одной из главных причин отнесения к числу балтизмов таких русских диалектных слов, как каналы "колокола" (ср. лит. kaĩkalas "колокольчик", kaĩklas "гусли"), дякло "подати" (лит. duoklė), дабокля "арестантская" (лит. daĩoklė) и др.

10. В литовском языке имеется междометие kūvū (о крике поросенка), глаголы kvūkti "кричать (о поросенке, ребенке)" и kūvyksėti "кричать (о поросенке, сове)", а также такие производные, как kvūklis "ребенок, который плачет", kvūklūs, как kvūkia (о поросенке, ребенке), kvūklynė "горло". Узко диалектное русск. кувиклы следует считать балтизмом, не смотря на отсутствие исходного слова в языке-источнике (соответствующая реалия в литовском языке называется skudutis) –

так же, как, например, белорусск. лапiкля "заплата" (ср. белорусск. лапiць и лит. ląpūtis "чинить") не могло быть исконно славянским словом, ибо оно построено по балтийской словообразовательной модели.

II. Варианты кувиклы и кугиклы отражают либо поздние колебания в самой звукоподражательной основе (ср. укр. кувик - кугик "сова"), либо колебания в процессе передачи звуков чужого языка (ср. белорусск. рэзвiны и рэзвiны - из лит. rėzgivėn "плетеное приспособление для носки сена").

12. Ареал рассмотренного выше балтизма крайне интересен в том отношении, что пояс, образуемый Брянской, Орловской и Курской областями, как бы охватывает с юга Смоленскую, Калужскую и Тульскую области. Разумеется, учитывая возможность сравнительно поздних переселений, на основании одного рассмотренного примера нельзя делать далеко идущих выводов о прежней границе расселения балтов на востоке. Однако более тщательный и, по возможности, исчерпывающий анализ диалектной лексики данного ареала, быть может, позволит несколько отодвинуть эту границу еще далее к югу от Москвы.

В.Н.Топоров (Москва)

ГОЛЯДСКИЙ ФОН РАННЕЙ МОСКВЫ (О балтийском элементе в Подмоскowie)

I. В прежних работах было показано, что все междуречье Москвы и Оки было областью распространения балтийской гидронимии (исключая самый восточный угол, за устьями Пахры и Лопасни,

где резко возрастает гидронимия финского типа; за пределами Московской-Окского междуречья примеры балтийской гидронимии встречаются реже, и, главное, они менее надежны). Важное методологическое значение имеет то обстоятельство, что граница между гидронимией балтийского и финского типа в Подмоскowie вполне определена и уже определена в достаточной степени, тогда как границы между ареалами балтийской и славянской (русской) гидронимии установить не удастся. Реальная граница между этими элементами здесь заменяется соотношением следующего типа: балтийские названия могут иметь и крупные (в масштабе Подмоскowie) и мелкие реки, тогда как славянские названия закреплены только за мелкими реками (причем вторичность, более того - поздний, а в ряде случаев совсем недавний характер этих названий - вне всяких сомнений). Некоторым исключением из этого распределения является Москва. Как отметил еще М.Н.Тихомиров, "...тут мы встречаемся с одной особенностью, характерной для московской территории. Именно на узкой московской территории мы встречаемся и с мелкими (разрядка наша - В.Т.), носящими непонятные для нас названия... Их оставил неизвестный для нас народ".

2. Балтийский контекст древнего Подмоскowie нельзя упускать из вида, когда речь идет и о самой Москве. Более того, в связи с Москвой, ее основанием и, видимо, первыми десятилетиями ее существования необходимо считаться с вполне реальным и конкретным балтийским этническим элементом в Подмоскowie и к югу от него, а именно с голядь ю русских летописей. Подробно удивительная история галиндов (ср. Γαλινδα Птолемея) рассмотрена в другом месте. Здесь уместно лишь сослаться на наиболее